Сборник о новом человеке для новой эпохи

Этот текст – фактически последняя статья ученого, она была надиктована Борису Межуеву за четыре дня до смерти автора. Текст был опубликован в сокращении в специальном выпуске ньюслеттера «Русского журнала» (http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/21/1.pdf), посвященном 100-летию выхода сборника «Вехи». В более полном варианте он был размещен на сайте РЖ 24 марта 2009 года, на следующий день после кончины мыслителя. Статья отмечена сильным влиянием историософии второго тома «Заката Европы» Шпенглера, которую Цымбурский хотел положить в основание своей системы хронополитики.

* * *

Столетие «Вех» – столетие большого этапа нашей цивилизационной истории, это столетие нашей городской революции. Думаю, что в отдаленном будущем зрелую стадию цивилизационной истории России будут отсчитывать даже не с 1917 года, а именно с «Вех».

Давайте вглядимся в исходный тезис этого сборника. Его исходный тезис – это **неудача революции, революции 1905–1907 годов**. Думаю, что этот вывод был отнюдь не очевиден. В своих воспоминаниях меньшевик Николай Валентинов писал, что если бы революционерам в 1904 году показать Россию 1908-го, то они вынуждены были бы признать, что новая Россия представляет предел их тогдашних мечтаний. Это была фактически конституционная Россия. Считать, что революция кончилась неудачей, могли кадеты, когда по результатам выборов в первую Думу они чуть было не захватили власть; так могли думать трудовики, когда они почти захватили лидерство во второй Думе. Но объективные ученые, хорошо знавшие Макса Вебера, вероятно, имели представление о его оценке России как страны, движущейся навстречу буржуазной демократии, пусть и в извращенной бюрократической псевдоконституционной форме. С узко политической точки зрения революцию нельзя было считать полностью неудачной.

О чем же шла речь в «Вехах»? О том, что революция не оправдала себя по тому максималистскому счету, который ей эти люди предъявляли. Авторы «Вех» обвиняли интеллигенцию, тот политический класс, который делал революцию, в том, что он оказался не на уровне ее потенциала, не на уровне ее задач, не на уровне ее масштаба. Вот в чем они ее обвиняли!

Наша первая революция была действительно грандиозным событием с точки зрения реформационной заявки, с точки зрения становления новой России, России городов. Историк Виктор Живов в статье десятилетней давности пишет о том, что наше интеллигентское движение 1850–1860-х годов представляет собой мощное движение маргинализированных слоев провинциаль-

ного духовенства и дворянского класса[1]. Если предшествующие 150 лет вкусы задавало наше столичное аристократическое дворянство, наша, я бы сказал, «партия жизни» в ее имперской цветущей мощи, то теперь, в 1850–1860-е, согласно Живову, впервые выходит наша «партия ценностей». «Партия ценностей» использовала курс на естественные науки императора Николая Павловича для того, чтобы выдвинуть программу «опрощения» и подвергнуть критике все наши верхи и все их ценности именно исходя из ценности данного «опрощения». Мы впервые увидели в 50–60-х массированное наступление контрэлиты на наши верхи.

Следующие пятьдесят лет происходил огромный накат «партии ценностей» на Россию. И когда поход «партии ценностей» на Россию принес первые заметные успехи, веховцы произвели удивительный поворот. Следует учесть, что они в большинстве своем были кантианцы, и эти кантианцы, увидев, что на их глазах произошла революция, которая уже так много принесла, в желании, чтобы она принесла еще больше, развернули свои орудия против самой «партии ценностей». Они стали критиковать те «ценности», под знаком которых состоялась сама революция. Это была фактически критика критики. И здесь веховцам очень помогло то, что они читали Вебера, его работу о протестантизме и духе капитализма. Они знали, что религиозный дух западной Реформации дал удивительно щедрые плоды, именно он обеспечил продуктивность западной цивилизации.

Поэтому **они указывали на чрезвычайную заполитизированность, политическую замкнутость революции как на источник ее слабости**. Они указывали на то, что революция жестко привязана к типу человека, который всецело сосредоточен в сфере политики и не способен поэтому пойти дальше, не способен стать полноценным субъектом цивилизационного развития.

«Вехи» зафиксировали недоделанность, ущемленность и урезанность нашего реформационного сознания. Представьте себе, что реформационная Европа XVI–XVII веков стала бы строиться на идеях «мюнстерской коммуны», лейденских братьев. Можете себе представить, что получилось бы? Чем бы тогда была Европа и была бы она вообще? Веховцы с ужасом констатировали, что наша поднимающаяся реформация оказалась привязана к, возможно, наименее продуктивной части старой России. И «Вехи» поставили вопрос о выковывании «нового человека», соответствующего масштабу социальных сдвигов.

Я хотел бы обратить внимание на любопытный интертекст, существующий между «Вехами» и ярчайшим текстом о тоталитаризме, который был создан в сталинские годы. Речь идет о «Драконе» Евгения Шварца. Михаил Гершензон в «Вехах» пишет о том, как интеллигенция звала всех «выйти на площадь», и теперь *«сознания высыпали на площадь, хромые, слепые, безрукие: ни одно не осталось дома. Полвека толкутся они на площади, голося и перебраниваясь».* И после этого эти беспомощные сознания оказываются привязанными к колеснице власти, они становятся объектом ее манипуляции. Проходит тридцать пять

[1] Автор ссылается на статью В.М. Живова «Маргинальная культура и рождение интеллигенции», впервые опубликованную в журнале «Новое литературное обозрение» (1999. № 37; см. также: *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 685–704). Идейный генезис русской интеллигенции Виктор Живов обнаруживал в глубинном ressentiment, который испытывали по отношению к элитарной культуре дворянства представители русского духовенства. Для Цымбурского эта гипотеза Живова удачно вписывалась в историософскую схему Шпенглера, согласно которой интеллигенция Нового времени представляет собой наследницу духовного сословия («партии ценностей»). И в качестве таковой она бросила вызов земельной и военной аристократии («партии жизни») в ту эпоху, которую автор «Заката Европы» называл временем Пифагора – Мухаммеда – Кромвеля, а Цымбурский обозначал своим любимым термином «городская революция». *Примеч. ред.*

лет, и появляющийся на сцене Дракон в зеленом кителе говорит Ланселоту, что если бы он увидел души тех, за кого сражается, то не стал бы *«умирать из-за калек»*, за *«безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души <…> дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души»*. Души, разрушенные и разрубленные самим Драконом, самой тоталитарной властью. Очень жалко, что до сих пор сцена искушения Ланселота никогда не читалась в веховском контексте[1].

Итак, авторы «Вех» подняли вопрос о человеке, который мог быть адекватен крупнейшим цивилизационным переменам. И здесь они оказались удивительно прозорливы. Но они проиграли в другом. **«Веховцы» не смогли поставить вопрос о том, во имя чего будет существовать эта новая реформационная Россия**, Россия городов. Говоря словами Блока, Россия «конгрессов, банков, федераций», Россия нового цивилизационного такта. И потому они оказались сами уязвимы перед лицом социалистической ревизии проекта этой России. Они не поставили вопроса о смысле, который будет нести эта поднимающаяся Россия. Для людей старой, аграрно-сословной России ее смысл был более-менее ясен. Авторы сборника не смогли фактически ничем его заместить – это смогли сделать только те самые гершензоновские ущемленные, «хромые, слепые, безрукие» сознания, которые объявлялись «Вехами» не приспособленными для дела строительства городской цивилизации.

Главное, что нам завещали «Вехи», – это ответ на тот вопрос, который они в рамках своей кантианской программы наметили, но не смогли выполнить. **Вопрос о ценности России в рамках программы реформации**, о том, каков смысл России городского общества.

[1] Цымбурский пояснил в устной беседе смысл этой аллюзии: чрезмерная зависимость русской интеллигенции от политических тем и сюжетов обрекла ее в конечном счете на подчиненное политическое положение в системе тоталитарной власти. *Примеч. ред.*